

ПОХИЩЕННАЯ ДРАКОНОМ

18+

Тори Эм

Похищенная драконом

«Автор»

2026

Эм Т.

Похищенная драконом / Т. Эм — «Автор», 2026

Раз в год город отдаёт драконам одну девушку. Никто не знает, что происходит с избранными после того, как они исчезают за горами. В этом году жертвой должна была стать Ливия. Но, спасая себя, она подменяет имя — и вместо неё дракон уносит её сестру Саманту. Дракон унёс её туда, откуда четыреста лет не возвращалась ни одна девушка. Но за горами Саманту ждала не смерть. Похищенные оказались живы. Мужчина, которого она ненавидит, оказался драконом. А среди мёртвых она нашла собственную мать. И самое страшное — Древний, перед которым склоняются даже драконы, узнал Саманту. Она попала сюда случайно.....или история оказалась сложнее, чем кажется.

© Эм Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Девушка, которой не было в жребии.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Тори Эм

Похищенная драконом

Глава 1: Девушка, которой не было в жребии.

В Эриморе колокола звонили лишь по трём поводам: когда рождался наследник, когда умирал король и когда дракон приходил за девушкой. В тот день они звонили с самого рассвета. Гул плыл над черепичными крышами, цеплялся за шпили храмов, оседал в переулках, будто пепел. Воздух пах мокрым камнем, воском и тревогой. Люди выходили из домов нарядными — как на праздник, — но лица у них были серыми, застывшими. Женщины сильнее обычного затягивали ленты на платьях дочерей. Отцы держали руки за спиной, чтобы никто не видел, как дрожат их пальцы.

В Эриморе боялись дракона почтительно. Так было четыреста лет. Каждую весну, в день первого грома, свободные девушки города писали свои имена на тонких полосках пергамента. Имена складывали в серебряный ларец, украшенный чешуйчатым узором, и выставляли на площади перед ратушей. В полдень старейшина вытягивал один свиток. Одно имя. Одну жизнь.

Девушку называли Невестой Пламени, хотя никто не видел ни свадьбы, ни невесты после того, как крылатая тень уносила её за горы. Старухи шептали, что дракон требует крови, иначе сожжёт город до фундамента. Священники говорили о древнем договоре. Купцы — о необходимости мира. Матери — ничего не говорили. Только крепче обнимали дочерей.

Саманта Верон должна была стоять в этот день на площади среди зрителей — не среди тех, чьё имя могло прозвучать. На её безымянном пальце сияло тонкое обручальное кольцо. Не слишком дорогое, без камня, но чистое, как обещание. Его подарил ей Филипп Даррен три недели назад, когда яблони в саду только начали белеть цветом. Он дрожал больше, чем она, и от смущения назвал её сначала «госпожа Верон», потом «моя радость», а после и вовсе замолчал, потому что Саманта ответила ему поцелуем. Обручённые девушки не попадали в жребий. Таков был закон. Таковы были правила, на которых держался страх города.

Но в Эриморе правила всегда оказывались слабее тех, кто умел вовремя заплатить нужному писцу, улыбнуться нужному старейшине и подложить чужое имя вместо своего. Саманта поняла это слишком поздно.

— Ты бледная, милая, — сказала мачеха, поправляя кружевную манжету на запястье. — Не стоит так переживать. Тебе ведь нечего бояться.

Мирена Верон говорила мягко, даже ласково, но её голос всегда напоминал Саманте тонкое лезвие, завернутое в бархат. Женщина стояла у окна, откуда открывался вид на площадь, и наблюдала за толпой так, словно смотрела на выставленных к продаже лошадей. Рядом с ней Ливия перебирала свои золотистые локоны. Сводная сестра была одета в платье цвета спелого персика; слишком нарядное для дня, когда кто-то должен был потерять дочь. На её шее лежало жемчужное ожерелье — материнское, которое когда-то принадлежало покойной матери Саманты. Саманта не любила смотреть на это ожерелье.

— Я не переживаю, — ответила она.

— Конечно, — Ливия улыбнулась, не поднимая глаз от зеркала. — Ведь у тебя есть кольцо. Маленькое, правда, но всё же.

Саманта сжала пальцы в кулак. Филиппа на площади ещё не было. Утром он должен был прийти за ней, но мачеха настояла, чтобы они отправились к ратуше вместе, «семьёй». Это слово в её устах всегда звучало как насмешка.

— Филипп скоро будет, — сказала Саманта.

— Разумеется, — отозвалась Мирена. — Если не передумает.

Саманта резко повернулась к ней. Мачеха улыбалась.

— Не смотри так. Мужчины не любят беспокойных женщин. А ты в последнее время стала... слишком острой.

— Острой? — переспросила Саманта.

— Непокорной, — подсказала Ливия с невинным видом.

За окном снова ударил колокол. Первый. Толпа на площади зашевелилась. Саманта пошла к двери.

— Пора.

Мирена задержала её за локоть. Ногти мачехи впились в кожу — не больно, но достаточно крепко, чтобы Саманта ощутила предупреждение.

— Помни, дорогая: что бы ни случилось сегодня, следует сохранять достоинство.

Саманта выдернула руку.

— Это совет?

— Это последняя любезность.

Ливия тихо рассмеялась. Саманта хотела спросить, что это значит. Но второй удар колокола заглушил её мысли, а у двери уже ждал слуга с накидками. На площади собирался город, и она не могла позволить себе устроить сцену в доме, где каждую стену когда-то выбирала её мать. Они вышли. Эримор лежал в чаше между тёмных гор и рекой Сель, широкой, как стальная лента. В обычные дни город был шумным, торговым, полным запахов хлеба, вина, кожи, яблок и дыма. Но сегодня все звуки казались приглушёнными. Даже лошади ступали тише. Даже дети не плакали. На центральной площади перед ратушей стоял помост. На помосте — серебряный ларец.

Возле него старейшина Грейн, сухой, высокий, с лицом человека, который давно разучился испытывать стыд. Рядом — жрецы в серых одеждах, городские стражники и писец с толстым реестром в руках. Саманта огляделась в поисках Филиппа. Она увидела его почти сразу. Он пробирался сквозь толпу с другой стороны площади, высокий, темноволосый, встревоженный. Их взгляды встретились, и Саманта почувствовала, как напряжение отпускает грудь. Вот он. Реальный. Живой. Её. Филипп поднял руку, показывая, что идёт к ней. Но между ними сомкнулись люди. Кто-то толкнул Саманту плечом. Мачеха встала рядом так близко, будто случайно заслоняя проход.

— Не спеши, — прошептала Мирена. — Сейчас начнётся.

Третий удар колокола. Площадь замерла. Старейшина поднял руки.

— Граждане Эримора! — его голос, усиленный магическим камнем у помоста, прокатился над головами. — Сегодня, как и каждый год на протяжении четырёх веков, мы исполняем древний договор, заключённый нашими предками во имя жизни города, защиты стен и мира под этим небом.

Саманта знала эту речь наизусть. Её произносили каждый год. Слова менялись редко: долг, честь, жертва, благодарность. Всегда говорили красиво, когда собирались отнять у кого-то всё.

— Пусть жребий будет справедлив, — произнёс жрец.

Серебряный ларец открыли. Ветер вдруг стих. Саманта ощутила на языке привкус грозы. Грейн опустил руку внутрь ларца. Его пальцы долго перебирали свитки — слишком долго, как показалось Саманте. Ливия рядом затаила дыхание. И в этот миг Саманта увидела: её сводная сестра не просто волнуется. Она боится. Настоящим, животным страхом. Ливия побелела так, что румяна на щеках стали казаться нарисованными на фарфоре. Мирена незаметно взяла дочь за руку. Сердце Саманты ударило тяжело. Нет. Не может быть. Старейшина вытащил свиток. Развернул. Площадь слушала. Грейн поднял глаза. И произнёс:

— Саманта Верон.

Мир исчез. Не сразу. Сначала исчезли звуки. Город открыл рты, но Саманта ничего не слышала. Потом исчез воздух. Она вдохнула — и не смогла наполнить лёгкие. Затем пропали лица, оставив только пятна: серое, белое, красное. Её имя висело над площадью, словно приговор, написанный огнём.

— Ошибка, — сказала Саманта.

Голос вышел тихим. Никто не услышал. Она шагнула вперёд.

— Это ошибка! — громче крикнула она. — Моего имени не должно быть в ларце. Я обручена!

Толпа зашептала. Филипп прорвался вперёд.

— Она говорит правду! — крикнул он. — Вот договор! Обручение зарегистрировано у нотариуса Даррена и заверено печатью!

Он пытался подняться на помост, но стражники скрестили алебарды.

— Назад, господин.

— Уберите оружие!

— Жребий назван, — холодно произнёс старейшина.

— Закон запрещает брать обручённых! — Филипп сорвал с груди цепочку с печатью. — Вы не имеете права!

Грейн даже не посмотрел на документ.

— В реестре свободных девиц Эримора Саманта Верон значится невестой без зарегистрированного брачного союза. Обручение — не брак.

— Но это исключает её из жребия!

— Только если сведения поданы в городской совет не позднее полнолуния.

Филипп застыл. Саманта медленно повернулась к мачехе. Мирена стояла спокойно. Слишком спокойно. А Ливия больше не была бледной. Она смотрела в сторону, прижимая к губам платок, но в уголках её глаз дрожало облегчение. Не сострадание. Не ужас. Облегчение. Саманта поняла всё с пугающей ясностью.

— Вы подменили списки, — сказала она.

Мачеха чуть склонила голову, словно не расслышала.

— Не устраивай позора, милая.

— Моего имени там не было.

— Видимо, было.

— Это должна была быть Ливия.

Слова ударили по толпе, как камень по стеклу. Ливия всхлипнула.

— Мама...

Мирена побледнела, но лишь на миг.

— Бедная девочка, — сказала она достаточно громко, чтобы услышали стоящие рядом.

— От страха она не понимает, что говорит.

Саманта бросилась к ней, но стражники уже схватили её за руки.

— Отпустите!

Филипп ударил одного из них в лицо. На площади началась давка. Кто-то вскрикнул. Старейшина требовал порядка. Жрецы заговорили молитвами. Саманта вырывалась, царапалась, кусалась, но пальцы стражников были железными.

— Филипп! — крикнула она.

Он снова попытался прорваться к ней. Кровь текла у него из рассечённой губы.

— Я найду способ! Слышишь? Саманта! Я найду тебя!

Она хотела ответить. Но в этот миг небо потемнело. Сначала люди подумали, что солнце закрыла туча. Потом ветер ударил в лица запахом серы, хвои и древнего жара. Лошади заржали. Голуби сорвались с крыш чёрным вихрем. Над городом расправились крылья. Дракон опускался медленно, величественно, будто весь мир принадлежал ему и только по его милости ещё

стоял. Он был огромен. Чешуя цвета воронёной стали переливалась синим и золотым в местах, где на неё падал свет. На шее поднимался гребень острых шипов; когти могли бы вспороть крышу, как бумагу. Но страшнее всего были глаза. Один — холодно-голубой, прозрачный, как ледник. Другой — жёлтый, раскалённый, как расплавленная монета. Два разных пламени в одном взгляде. Дракон сел на край площади. Камни треснули под его лапами. Толпа рухнула на колени почти одновременно. Кто-то плакал. Кто-то молился. Кто-то лежал лицом вниз, не смея поднять головы. Саманта не встала на колени. Не потому, что была смелой. Просто страх окаменил её раньше, чем она успела упасть. Дракон повернул голову. Его разноцветные глаза остановились на ней. В этом взгляде не было голода. Не было ярости. Не было той звериной жадности, о которой рассказывали легенды. Было узнавание. И разочарование. Стражники подтолкнули Саманту вперёд. Её ноги почти не слушались. Платье зацепилось за край помоста и порвалось у подола. Она услышала, как Ливия всхлипнула снова — на этот раз слишком громко, слишком театрально. Саманта обернулась.

— Я вернусь, — сказала она мачехе.

Мирена смотрела на неё без улыбки.

— Никто не возвращается.

Дракон склонил голову. Один из жрецов поднял серебряную цепь — символ передачи жертвы. Но дракон даже не взглянул на него. Вместо этого он осторожно, почти бережно, обхватил Саманту когтистой лапой. Она закричала. Площадь провалилась вниз. Ветер ударил в лицо с такой силой, что слёзы сами выступили на глазах. Эримор уменьшался под ней: крыши, башни, река, площадь с крошечными фигурками людей. Она видела Филиппа — точку, рвущуюся сквозь стражу. Видела мачеху и Ливию, неподвижные, как две куклы у подножия помоста.

Потом город скрылся за облаками.

Саманта пыталась не смотреть вниз. Пыталась не думать о том, что когти удерживают её единственным жестом; стоит дракону разжать лапу — и её тело разобьётся о скалы прежде, чем она успеет помолиться. Но дракон держал крепко. Не больно. И от этого было ещё страшнее. Она ожидала, что он понесёт её на север, к Чёрным пещерам, о которых рассказывали дети у ночных костров. Туда, где, по легендам, пол покрыт костями прежних невест, а в глубине горы горит вечный огонь. Но дракон повернул на восток. За перевал. Туда, где, как считалось в Эриморе, не было ничего, кроме мёртвых земель. Саманта потеряла счёт времени. Холод проник под кожу. Пальцы онемели. Крик давно сорвался, оставив горло сухим и больным. В какой-то момент облака расступились, и внизу возник город. Не руины. Не пепелище. Город. Он лежал в долине среди чёрных скал, окружённый высокими стенами из тёмного камня. Башни были тонкими и острыми, словно выросли из самой породы. Между ними сияли мосты, перекинутые через пропасти. На террасах зеленели сады. По улицам двигались огни. Над крышами поднимались другие крылатые силуэты — меньше, дальше, но несомненно живые. Саманта моргнула, решив, что видит предсмертную галлюцинацию. Дракон снижался. Последнее, что она запомнила, — огромный внутренний двор, люди в тёмных одеждах и металлический блеск решётки. Потом всё погасло.

Она очнулась от запаха железа. Не крови — именно железа: холодного, влажного, старого. Саманта открыла глаза и увидела прутья. Несколько мгновений она не понимала, где находится. Тело болело так, будто его сбросили с башни и по частям собрали обратно. На языке был вкус соли. Волосы спутались, платье измялось, рукав порвался у плеча. Клетка. Она лежала в большой клетке на колёсах, застеленной шкурами. Не грязной, не похожей на тюремную. Скорее на перевозочную — для опасного зверя. И зверем, очевидно, считали её. Саманта резко села. За клеткой открывался зал.

Огромный, вырубленный в чёрном камне, но не мрачный. Высокие окна пропускали золотистый свет заката. По стенам тянулись прожилки минералов, мерцающих изнутри голубым огнём. Между колоннами стояли люди — мужчины и женщины в длинных одеждах, с

серебряными цепями на плечах. Они переговаривались вполголоса, поглядывая на неё. Не чудовища. Люди. Хотя в некоторых было что-то странное: слишком прямая осанка, слишком неподвижные лица, слишком внимательные глаза. Саманта схватилась за прутья.

— Выпустите меня!

Разговоры стихли.

Никто не подошёл.

— Я не должна быть здесь! — голос сорвался. — Это ошибка! Меня подставили!

Одна женщина с белыми волосами взглянула на неё с жалостью. Это было хуже равнодушия. Двери в конце зала открылись. И вошёл мужчина. Он не торопился. Но всё вокруг, казалось, сразу изменилось: люди выпрямились, голоса исчезли, воздух натянулся, как струна. Саманта поняла, что это — власть. Её не всегда носят на короне. Иногда она просто входит в зал — и зал вспоминает, кому принадлежит.

Мужчина был высок, широк в плечах, одет в тёмный камзол без лишних украшений. Его волосы, чёрные с холодным серебряным отливом, были убраны назад. Лицо — резкое, красивое не мягкой человеческой красотой, а опасной, от которой хочется смотреть и отводить взгляд одновременно. Он остановился у клетки.

Саманта увидела его глаза. Один голубой. Другой жёлтый. Сердце ударило так сильно, что стало больно. На тыльной стороне его правой руки мерцала чешуя — тонкая, тёмная, будто металл прирос к коже. Она исчезала под манжетом, но Саманта успела заметить, как при движении пальцев по ней пробегает слабый золотой отблеск. Он смотрел на неё молча. Саманта не стала ждать. Когда он протянул руку к замку, металл щёлкнул так тихо, что этот звук почему-то показался Саманте громче колоколов Эримиора. Дверца клетки подалась наружу. И в то же мгновение она бросилась на него. Не ради надежды победить — такой надежды у неё не было. Ради одного-единственного мига, в котором она перестанет быть жертвой. Ради права самой выбрать, куда ударить, прежде чем её поведут на смерть.

Она метнулась вперёд, как натянутая тетива. Пальцы вцепились в ворот его камзола, колено ударило в край клетки, боль полоснула по ноге, но Саманта не остановилась. Она попыталась добраться до его лица, до этих невозможных глаз — голубого и жёлтого, слишком похожих на глаза чудовища, унёсшего её из Эримиора. Арден даже не отшатнулся. Он перехватил её запястья в воздухе. Одним движением. Лёгким, почти ленивым — и оттого унижительным.

Саманта вскрикнула от ярости, выгнулась, ударила его плечом, но он развернул её, прижал спиной к раскрытой дверце клетки и удержал так, что она могла только тяжело дышать, чувствуя у виска его дыхание. Горячее. Спокойное. Чужое.

— Достаточно, — произнёс он.

Голос у него был низкий, без усилия властный. Не громкий — но зал услышал каждую букву. Саманта попыталась вывернуть кисть. Напрасно. Его пальцы сомкнулись крепче, но боли он не причинил. Только лишил движения. Как человек, привыкший удерживать пламя голыми руками.

— Отпустите, — выдохнула она.

— Если я отпущу, вы снова броситесь.

— Значит, не поворачивайтесь ко мне спиной.

В жёлтом глазу Ардена мелькнуло что-то странное. Не улыбка — её тень. Короткая и опасная.

— Смелость не отменяет глупости.

— А чешуя на руках не делает вас богом.

В зале кто-то резко втянул воздух. Арден не шевельнулся. Саманта почувствовала, как под его пальцами на её запястьях бьётся её собственная кровь — быстро, отчаянно, слишком живо для той, кого уже решили отдать смерти. От него пахло дымом, холодным ветром на высоте и чем-то тёмным, терпким, почти пряным. Запах был пугающим — и необъяснимо

притягательным. Саманта возненавидела себя за то, что заметила это. Он отпустил её не сразу. Сначала посмотрел прямо в глаза, словно хотел запомнить, как выглядит девушка, готовая сражаться даже в клетке. Потом медленно разжал пальцы. Саманта отступила на шаг. На коже остались бледные следы его хватки.

— Ливия Верон, — сказал Арден.

Имя сводной сестры ударило её сильнее, чем его руки. Саманта застыла. *Ливия*. Он назвал её Ливией. Значит, не знал. Не знал, что забрал не ту. В груди поднялся горячий, почти болезненный смех — но она не издала ни звука. Только смотрела на него, пытаясь понять, что теперь опаснее: сказать правду или промолчать.

Если он ждал Ливию, значит, именно Ливия должна была оказаться здесь. Значит, мачеха знала больше, чем показала. Значит, подмена была не просто попыткой спасти любимую дочь от смерти. Это было бегство от чего-то конкретного. От чего-то, что ждало за стенами Эри-мора.

— Вы будете идти сами, — произнёс Арден. — Или мне снова придётся вас нести?

Саманта подняла подбородок.

— Попробуйте.

Он задержал на ней взгляд. Слишком долгий. Слишком пристальный. От этого взгляда хотелось сделать шаг назад — и шаг вперёд одновременно. Он словно видел не её измятое платье, не спутанные волосы, не следы страха на лице. Он видел то, что она отчаянно пыталась скрыть: ярость, боль, унижение — и вопрос, который уже занозой засел под рёбрами. Что они собираются сделать с Ливией? И почему теперь это должны сделать с ней?

— Не испытывайте моё терпение, — сказал Арден тише.

— А вы моё.

По залу прошёл едва заметный шорох. Люди в тёмных одеждах переглянулись. Некоторые смотрели на Саманту с изумлением. Некоторые — с жалостью. Жалость испугала её сильнее угроз. Арден протянул руку в сторону. Один из стражей подал ему тонкие серебряные браслеты, соединённые цепью. Саманта вскинулась.

— Нет.

— Это не кандалы.

— Тогда наденьте их себе.

На этот раз он действительно улыбнулся.

Быстро.

Мрачно.

— У вас острый язык, Ливия Верон.

Саманта не поправила его. Имя Ливии повисло между ними, как чужая маска. И Саманта, сама не понимая почему, не сорвала её. Пока. Арден шагнул ближе. Она ударила его ладонью по лицу. Зал ахнул. Голова Ардена едва заметно повернулась от удара. На его скуле проступил слабый след. Несколько мгновений никто не дышал. Саманта тоже. Она ждала боли. Ответного удара. Приказа бросить её на колени. Но Арден лишь медленно повернул к ней лицо. В голубом глазу был лёд. В жёлтом — пламя. И ни капли удивления.

— Теперь вам легче? — спросил он.

Саманта сглотнула.

— Немного.

Он взял её за руку.

Не грубо. Но так, что сопротивляться стало бессмысленно. Серебряный браслет сомкнулся на её запястье, второй — на другом. Цепь между ними была длинной, движения почти не стесняла, однако металл оказался холодным до боли. По коже пробежали мурашки.

— Это удержит вас от новых глупостей, — сказал Арден.

— Или вас — от страха, что я их совершу.

Он наклонился к ней ближе. Настолько, что она увидела тонкую чешуйчатую кайму у его виска, почти скрытую волосами.

— Если бы я боялся вас, — тихо произнёс он, — вы бы уже были мертвы.

Саманта ответила так же тихо:

— Если бы вы не боялись, не надевали бы цепи.

Между ними что-то дрогнуло.

Не нежность. Нет.

Нечто опаснее.

Напряжение, в котором ненависть стояла слишком близко к притяжению. Как молния стоит близко к земле за миг до удара.

Арден выпрямился.

— Веди её, — приказала беловолосая женщина у колонны, но голос её дрогнул. — Древний ждёт.

При этих словах зал изменился.

Люди опустили глаза. Даже стражники стали бледнее. То, что до этого казалось Саманте пленом, теперь оказалось лишь преддверием чего-то куда более страшного.

— Кто такой Древний? — спросила она.

Никто не ответил.

Арден потянул цепь.

— Идите.

— Я задала вопрос.

— И вы получите ответ.

— Когда?

Он посмотрел на неё через плечо.

— странно, что вы не знаете того, кому сломали жизнь.

Саманта почувствовала, как холодный металл браслетов врезался в кожу.

Они шли долго.

Сначала — через залы чёрного камня, где светился в стенах синий минерал, похожий на застывшие молнии. Потом — по галереям, уходящим всё ниже и ниже, в сердце горы. Воздух менялся с каждым поворотом: становился суше, жарче, тяжелее. Где-то в глубине слышался низкий гул, будто гора дышала во сне.

С ними шли шестеро стражей и беловолосая женщина. Её называли Иларой. Она держалась позади, но Саманта чувствовала на себе её взгляд — настороженный, тревожный, почти скорбный.

Арден шёл рядом.

Не впереди — рядом, лишь на полшага опережая. Цепь между ними тихо звенела.

— Вы так и будете молчать? — спросила Саманта, когда очередной коридор оказался почти пустым.

— Наслаждаюсь редкой возможностью.

— Какой?

— Вашим молчанием.

Она бросила на него взгляд.

— Сомнительное чувство юмора для палача.

— Я не палач.

— Тогда кто?

Арден не сразу ответил.

Они проходили мимо стены, на которой были высечены драконы. Не те звери из страшных сказок Эримора — не тупые чудовища, жаждущие крови. Эти драконы были изображены как цари: крылатые, гордые, с коронами рогов и глазами, выложенными золотом.

— Хранитель договора, — сказал Арден.

— Договора, по которому каждый год похищают девушек?

— По которому каждый год гасится война.

— Ложь.

— Удобное слово для тех, кто знает только половину правды.

Саманта сжала пальцы.

— В Эриморе говорят, что дракон забирает девушку в жертву, иначе сожжёт город.

— В Эриморе много говорят.

— А здесь?

Он остановился.

Так внезапно, что она едва не налетела на него. Жар от его тела коснулся её лица. Или это уже гора дышала огнём — Саманта не знала.

— Здесь помнят, — сказал Арден.

Его голос стал другим.

Глухим.

Старым.

— Четыреста лет назад Эримор заключил кровный договор с последним из Древних драконов. Договор спас людей от голода, чумы и северных армий. Дракон отдал им огонь, защиту и кровь своего рода. Взамен город поклялся хранить верность и каждый год отдавать одну свободную дочь из тех семей, чья кровь была связана с клятвой.

— Для чего?

Арден посмотрел на неё.

— Чтобы поддерживать печать.

— Какую печать?

Вместо ответа он указал вперёд.

Коридор закончился.

Перед ними открылась бездна.

Не просто пещера — целый подземный мир. Огромная полость внутри горы, такая высокая, что свод терялся в дымной темноте. По стенам текли реки расплавленного золота — не жидкий металл, нет, а свет: густой, медленный, огненный. Каменные мосты пересекали пропасти. Внизу ворочалось красное сияние, будто там лежало сердце земли.

А посреди этой бездны высилась цепь. Огромная, чёрная, как обугленная кость. Звенья уходили в камень, в стены, в потолок, в саму гору. Они оплетали нечто настолько громадное, что разум не сразу мог принять увиденное. Дракон. Не такой, как тот, что унёс её из Эримора. Этот был древнее страха. Его тело лежало среди скал, точно сама гора когда-то обрела чешую, рога и крылья. Чешуя была тёмно-золотой, местами почерневшей, будто её веками лизал огонь. Рога, изломанные и величественные, поднимались над головой, как обломки короны. Крылья были скованы цепями, пробитыми насквозь рунами. Он спал. И всё же его сон наполнял пещеру такой силой, что Саманта едва не упала на колени.

— Единственный сохранившийся Древний, — сказала Илара позади. Голос её звучал почти молитвенно. — Аэрант Золотой. Первый Огонь. Последняя память небес.

Саманта не могла отвести взгляд.

— Вы держите его в цепях.

Арден ничего не ответил.

— Вы сказали, Эримор заключил с ним договор.

— А потом предал, — произнёс он.

Слова упали в жаркий воздух, как камни.

— Люди испугались той силы, которую сами призвали. Они заманили его в гору, опоили кровью предателей, наложили печати и оставили умирать в темноте. Но Древние не умирают так просто. Он ждал. Четыреста лет.

Саманта почувствовала, как под кожей расплзается ледяной ужас.

— Ждал чего?

Арден повернулся к ней.

В его лице не было жестокости. И это было страшнее.

— Возмездия.

Цепи на драконе дрогнули.

Сначала едва заметно. Потом сильнее.

По пещере прокатился гул.

Стражи опустились на одно колено. Илара склонила голову. Арден остался стоять, но его плечи напряглись, словно он приготовился принять удар.

Саманта не двинулась.

Она смотрела, как открывается глаз Древнего.

Огромный.

Зеленый.

Не жёлтый или голубой, как у Ардена. Не цвет пламени — цвет солнца до сотворения мира.

Второй глаз открылся следом. Пещера осветилась так ярко, что Саманта невольно зажмурилась.

Когда она снова подняла веки, дракон смотрел прямо на неё.

Не на Ардена.

Не на стражей.

На неё.

— Приведи её, — сказал Арден.

Двое стражников сделали шаг к Саманте.

Она отшатнулась.

— Нет.

Цепь между браслетами натянулась. Арден удержал её.

— Это должно случиться.

— Что именно?

Он не ответил.

В этот миг Саманта поняла, что спрашивать бессмысленно.

Её обманули. Продали. Украли. Привезли сюда под чужим именем — и теперь собирались отдать существу, которое четыреста лет ждало мести.

Ливия должна была стоять здесь.

Ливия.

Та, что утром перебирала свои черные локоны перед зеркалом. Та, что носила жемчуг её матери. Та, что облегчённо выдохнула, когда прозвучало имя Саманты.

Саманта вдруг ощутила страшное, холодное удовлетворение.

Ливия боялась не дракона над Эримором.

Она боялась этого.

И всё же говорить правду было поздно.

Или слишком рано.

Если она сейчас выкрикнет: «Я не Ливия», — что изменится? Её отпустят? Извинятся? Отвезут домой?

Нет.

Скорее всего, сочтут ложью. Или хуже — ненужной правдой.

Саманта выпрямилась.

— Я пойду сама, — сказала она.

Арден посмотрел на неё так, будто услышал не вызов, а приговор.

— Разумное решение.

— Не думайте, что я делаю это для вас.

— Я не обольщаюсь.

Он снял цепь с её браслетов, оставив металл на запястьях, и отступил.

Саманта пошла вперёд.

Каждый шаг давался труднее предыдущего. Камень под ногами был горячим. Воздух обжигал лёгкие. Чем ближе она подходила к Древнему, тем сильнее становилось ощущение, что она идёт не к живому существу, а к самому концу времён.

Дракон приподнял голову.

Скалы осыпались с его шеи. Цепи застонали. В пещере вспыхнули руны — алые, болезненные, злые.

Илара тихо заплакала.

Арден стоял неподвижно, но Саманта успела заметить, как сжались его руки. На костяшках проступила тёмная чешуя.

Ему было не всё равно.

Эта мысль раздражала.

Она не имела права казаться важной.

Саманта остановилась перед Древним.

Теперь его морда была так близко, что её могло раздавить одним выдохом. Между клыками мерцал огонь — густой, бело-золотой, почти беззвучный.

Дракон заговорил.

Не словами.

Звук возник сразу в костях, в крови, в сердце.

Кровь Верон.

Саманта вздрогнула.

Голос Древнего был глубже грома. В нём жили века, пепел городов и такая ненависть, что от неё хотелось закрыть лицо руками.

Наконец.

Она хотела сказать, что он ошибся.

Хотела выкрикнуть своё имя.

Но пасть Древнего раскрылась.

Внутри вспыхнул огонь.

Не красный — золотой, ослепительный, нестерпимый. Он рождался в глубине его груди, поднимался по горлу, озарял клыки, превращал воздух в раскалённое стекло.

Саманта не побежала.

Не потому, что была храброй.

Потому что ноги отказались повиноваться.

Она стояла перед смертью и вдруг с невероятной ясностью подумала о пустяках: о яблонях в саду, о руке Филиппа, о кольце на пальце, о жемчуге на шее Ливии, о голосе матери, который почти забыла.

О том, что она так и не успела жить своей жизнью.

Арден сделал шаг вперёд.

— Аэрант...

Дракон зарычал.

От этого рыка камень треснул у ног Ардена.

Огонь сорвался к пасти.

Саманта закрыла глаза.
И ничего не произошло.
Прошла секунда.
Другая.
Жар остался, но не ударил. Не пожрал кожу. Не превратил её в пепел.
Саманта медленно открыла глаза.
Огонь в пасти Древнего погас.
Дракон смотрел на неё.
Уже иначе.

Ненависть исчезла не полностью — она была слишком древней, чтобы исчезнуть за миг.
Но сквозь неё проступило нечто другое.

Изумление.
Недоверие.
Почти боль.
Он опустил голову ниже.

Так низко, что его дыхание разметало волосы Саманты по плечам. Огромные ноздри дрогнули.

Древний вдохнул.
Пещера замерла.
Он вдохнул снова.
И тогда его зеленые глаза расширились.
Нет...

Это слово прозвучало так тихо, что стало страшнее крика.

Арден нахмурился.

— Что происходит?

Илара подняла голову.

Стражи переглянулись, не смея встать.

Древний больше не смотрел на них.

Он смотрел только на Саманту.

На её лицо.

На её руки.

На тонкую кожу у горла, где бешено бился пульс.

И снова вдохнул, будто пытался воскресить в памяти запах, утраченный много веков назад.

Золотая кровь.

Слова не были сказаны, просто эти слова словно возникли в голове каждого, пронеслись по пещере.

Илара ахнула.

Один из стражников отступил и упал на колени уже не из почтения — от ужаса.

Арден резко посмотрел на Саманту.

— Этого не может быть.

Саманта не понимала.

Золотая кровь.

Она не знала, что это значит.

Но все вокруг — знали.

И то, что они знали, пугало их до дрожи.

Древний зашевелился.

Цепи взвыли, руны вспыхнули алым, каменные мосты задрожали. Саманта инстинктивно отступила, но огромная голова дракона вдруг опустилась ещё ниже.

Ниже.
Почти к её ногам.
И тогда произошло невозможное.
Аэрант Золотой — последний Древний дракон, узник горы, существо, ради которого
четырёхсот лет приносили клятвы, кровь и страх, — преклонил перед ней голову.
Пещера умерла в тишине.
Даже огненные реки будто перестали течь.
Арден стоял неподвижно.
В его разноцветных глазах впервые не было ни власти, ни холодной уверенности.
Только потрясение.
Илара закрыла рот ладонью.
Стражи один за другим опускались на колени, сами не понимая, перед кем склоняются
— перед драконом или перед девушкой, которую ещё мгновение назад считали обречённой.
Саманта смотрела на огромную голову у своих ног.
На золотую чешую.
На древние шрамы.
На пламя, которое не сожгло её.
Внутри всё дрожало. Страх, злость, недоверие, жажда выжить — всё смешалось в один
острый, ослепительный ком.
Арден сделал шаг к ней.
— Ливия...
Имя прозвучало тихо.
Почти вопросом.
Саманта повернула к нему лицо.
Она могла сказать правду.
Могла произнести: «Я не Ливия. Моё имя Саманта».
Могла разрушить эту ошибку, пока она не стала судьбой.
Но перед ней лежал Древний дракон.
За её спиной стояли те, кто привёл её на смерть.
А далеко, за горами, Ливия Верон была жива именно потому, что украла у Саманты её
место.
Саманта медленно сжала пальцы.
И промолчала.
Никто в пещере не понимал, что происходит.
И она решила, что пока пусть так и будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.